

В р и т м е м у з ы к и

Народного артиста РСФСР композитора Никиту Богословского вряд ли нужно представлять читателям. Автор пяти симфоний, оперы «Соль», пятнадцати оперетт, музыки к ста двадцати кинофильмам, четырехсот песен, среди которых: «Любимый город», «Спят курганы», «Темная ночь», «Шаланды», «Песня старого извозчика», «Три года ты мне снилась», пользующихся огромной популярностью не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. А любители сатиры и юмора, несомненно, знакомы с творчеством Богословского — писателя, перу которого принадлежат остроумные юмористические книги.

Сегодня Никита Богословский — наш гость.

Никита Владимирович, если не ошибаюсь, свою первую оперетту, которая шла на сцене Ленинградского театра музыкальной комедии, а затем в Москве и других городах. Вы написали в пятнадцатилетнем возрасте?

— Да, совместно с драматургом Николаем Адуевым. Оперетта называлась «Как ее зовут?» До сих пор помню, как пошел на премьеру в театр. Облился, в тот день духами. Волнения — через край. Еще бы — первое сочинение, выбор пути и все такое. Подхожу к театру, чувствую себя большим композитором. Вошел... Кто-то за рукав тянет. У меня сразу мысль мелькнула: «Боже, уже поклонники...» Оборачиваюсь, а это старушка-бидетерша. И говорит мне так ласково, ласково: «Куда, шустрый ты мой?» Я в ответ: «Оперетту, мол, написал, композитор я...» А она головой качает, словно со всем соглашается, а сама в сторонку меня отпихивает: «Ни-ни-ни, — говорит. — В воскресенье с мамой приходи на утренник». И не пустила, как я ни просил. Пришлось весь первый акт прослушать в вестибюле театра. Потом, к счастью, директор мимо проходил, увидел меня и провел в зал.

— Но уж если мы заговорили о прошлом, несколько слов о том, как начиналось Ваше знакомство с музыкой?

— Прямо скажу, начиналось с ненависти. Когда мне исполнилось четыре года, родители решили, что растительный образ жизни пора заканчивать, и засадили меня за рояль. К музыке я сразу почувствовал отвраще-

ние. Несколько лет шел по истине «поединком» с родными, и они, наконец, сдались, освободили меня от ежедневных занятий на рояле. Но вот прошло два года, и я неожиданно сам потянулся к инструменту. Причем играть стал часами. Упражнялся, импровизировал и, самое главное, получал от этого большое удовольствие. Папа с мамой восприняли духом. Меня тут же повели к другу нашего дома, ленинградскому композитору Семену Викторовичу Панченко. Панченко позанимался со мной некоторое время и, в свою очередь, ответил к великому русскому композитору, в то время ректору Ленинградской консерватории Александру Константиновичу Глазунову. Я захватил с собой первый акт оперы, которую написал в четырнадцать лет. Глазунов взял мои ноты, мельком просмотрел их и положил на стол, а затем устроил маленький экзамен — играл отрывки из различных музыкальных произведений, а я должен был отгадывать их авторов. Делал все это я удивительно плохо: мои музыкальные познания были весьма скудными. Вдруг Александр Константинович заиграл какую-то очень знакомую мелодию и спрашивает: «А это кто написал?» Минут пять думал, прежде чем понял, что это мое собственное сочинение. Он без запинки наизусть сыграл всю увертюру к моей опере, ни разу не взглянув в ноты. У Глазунова была абсолютная зрительная и музыкальная память, в дальнейшем я убеждался в этом не раз. Итак, по воскресеньям я начал ходить к Александру

Константиновичу Глазунову. Мы занимались композицией.

— Давайте пофантазируем: Вам снова семнадцать. Как Вы планировали бы Вашу жизнь?

— Возможность начать с нуля? Что ж, в смысле профессии я постарался бы написать меньше плохих вещей. Занялся бы серьезно оркестровой и симфонической музыкой, чаще писал бы для оперных и балетных театров. С оперой «Соль» у меня вообще произошла довольно забавная штука. Мы взялись за нее с ленинградским композитором Борисом Корниловым в 1935 году. Но она так и осталась недоделанной и была заброшена. А в прошлом году, роясь в своем архиве, я обнаружил ее ноты. Прочитал, либретто показалось мне интересным, а главное — современным. Я доработал ее. И вскоре опера пошла на сцене Московского камерного театра.

Да! И, конечно же, намного раньше, а может быть, и в семнадцать лет занялся бы литературной деятельностью.

— Когда же она началась на самом деле?

— Еще до войны писал в «Крокодил» и «Комсомольскую правду» шуточные стихотворные пародии, сатирические миниатюры. С тех пор и работаю в жанре сатиры и юмора.

— С кинематографом, насколько я знаю, Вас так же связывает многолетнее сотрудничество...

— Да, совершенно верно, я очень люблю кино. И особенно мультипликацию, она дает необычный простор для музыкальной фантазии и в то же время чрезвычайно дисциплинирует. Над мультфильмом приходится работать буквально с секундомером в руках. Герой на экране вскопал, побежал, поцеловал кого-то — все это надо обозначить музыкой, не забывая при этом, что мелодия не должна превратиться в обыкновенную звуковую иллюстрацию. А в «Большом» кино лучше всего мне работало с мо-

им ныне покойным другом, режиссером Леонидом Луковым. С ним сделаны «Большая жизнь», «Александр Пархоменко», «Разные судьбы». Это был режиссер, который умел удивительно снимать песню, так, что она входила в душу зрителя, запоминалась, волновала. С огромным удовольствием я писал музыку для двух картин Гайдая: «Самогонщики» и «Пес Барбос и необычный кросс».

— От чего, по-вашему, зависит долголетие той или иной песни, ее популярность?

— Бывает, работаешь над песней месяц, два, три, оттачиваешь каждую деталь, а в результате ее никто не принимает и даже сам начинаешь ее постепенно забывать. А иногда мгновение — и песня состоялась. Так, например, с «Темной ночью». Я сел к роялю и сразу сыграл режиссеру Лукову всю мелодию. Музыка ему понравилась. Тут же позвал поэта Агатова, мелодия и его вдохновила настолько, что он сразу написал стихи. Разбудили среди ночи Бернеса, предложили поехать на студию, записать новую песню. Марк согласился. И на следующее утро его уже снимали под фонограмму новой песни. Такое случается, наверное, только раз в жизни.

— С какими новыми музыкальными произведениями мы сможем познакомиться в ближайшее время?

— Сейчас заканчиваю музыкальную партитуру к спектаклю по пьесе Блока «Роза и крест», премьера которого должна состояться на сцене Театра имени Вахтангова. В Московском камерном театре осуществляется постановка спектакля оперы по моему сочинению, которое написано опять-таки по пьесам Блока «Балаганчик» и «Незнакомка». В этих лирических драмах, как я их называю, драматические актеры будут читать стихи в ритме музыки. Ставит спектакль наш известный режиссер Сергей Юткевич.

Беседу вел

А. КУЧЕРОВ.

1 фев. 1983

А. АШАБАД

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА